

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

При анализе социокультурной трансформации российского общества на протяжении последних десятилетий автор неоднократно подчеркивает фактор социального неравенства населения страны, проявившийся в социальных системах статусного ранжирования и привилегий. Постепенно люди меняют свои представления о значении доступа к власти, о важности денег и собственности. Именно обладание последними становится пропуском в другую, «красивую» жизнь. На этом фоне имущественная поляризация сопровождается поляризацией форм поведения, которые его носителями рассматриваются как «свои» и противопоставляются «чужим». Тем самым кастовость достигает своих крайних пределов, что и стало одним из основных последствий трансформации социальной структуры.

Одни из российских авторов социокультурного направления Н.И. Лапин считает его достоинством изучение общества «в единстве культуры и социальности, образуемых деятельностью человека» [1, с. 4]. Если под культурой понимать «совокупность способов и результатов деятельности человека», а под социетальностью – «совокупность отношений людей в процессе деятельности», то, по замыслу Лапина, социокультурный подход позволяет интегрировать три измерения человеческого бытия: «1) отношения человека и общества; 2) характер культуры, 3) тип социальности» [1, с. 5]. В качестве методологических основ подхода Лапин предлагает использование шести принципов, теоретическая биография которых укоренена в различных философских и научных традициях: от представлений о культуре философов-просветителей до ее концептуализации у П. Сорокина и Т. Парсонса (последний особенно предпочтителен для ученого). Это 1) принцип человека активного, 2) принцип взаимопроникновения культуры и социетальности, 3) принцип антропосоциетального соответствия, 4) принцип социокультурного баланса, 5) принцип симметрии и взаимообратимости социетальных процессов, 6) принцип необратимости эволюции социокультурной системы [2, с. 5-6]. По мнению Лапина, любые изменения в социальной структуре можно изучать как социокультурные, ибо суть социокультурной трансформации в «дифференциации существующих и возникновении новых структур, обеспечивающих новые антропосоциетальные соответствия» [1, с. 8]. Сам ученый типологизировал социокультурную трансформацию, выделив в ней процессы традиционализации и либерализации.

Характеризуя социокультурную трансформацию российского общества на протяжении нескольких веков, Лапин констатировал несколько ее периодов, в которых по-разному реализуется баланс между традиционализацией и либерализацией. По мнению исследователя, либерализация в нашей стране изначально происходила «сверху», по инициативе главы государства или его ближайшего окружения. Перестройка, распад СССР, экономические реформы были также реакцией правительства на «традиционалистский тупик» [1, с. 16]. Однако последовавшие за этим социокультурные сдвиги ускорили либерализацию как сверху, так и снизу. Формы и свойства социокультурной трансформации в современной России не стали предметом исследования Лапина. Он лишь отметил изменившийся характер социально-экономических организаций, внедрение многообразных нововведений, поляризацию доходов, размывание «среднего класса», угрозы территориальной целостности страны, криминализацию политической и экономической сферы, архаизацию многих норм поведения.

Возвращаясь к понятию социальной структуры, обратим внимание на очевидный факт: в современном обществе люди образуют общности не только по социально-профес-

сиональному признаку, но и по так называемым «первичным идентичностям». Род социальных занятий – существенный фактор расслоения общества, проявляющийся в социальных системах статусного ранжирования и привилегий. Социально-профессиональная составляющая социальной структуры – действительно важный показатель социокультурного потенциала общества, однако в качестве фактора не она задает либо стабильную вертикаль и гомогенность социальной структуре, либо ее динамическую горизонталь и гетерогенность. Социологи вынуждены констатировать, что социальное структурирование идет как на «макроуровне» социальных взаимодействий, а точнее – в процессе институционализации общественных отношений и связей, так и на «микроуровне» межличностных контактов, адаптации и коммуникации.

На «микроуровне» важным организационным принципом выступает самоопределение индивидами совокупности своих социокультурных свойств (национальности, образования, вероисповедания, жизненных целей и т.д.), их символизации и использования в интеракциях. По наблюдению М.Кастельса, «отличительная социальная и политическая тенденция 1990-х годов – это построение социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности» [3, с. 43]. Подтверждением этого наблюдения являются и выводы отечественных авторов. По словам В.А. Ядова, в стране «происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа...к групповым солидарностям, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было определенного вектора» [4, с. 171].

В ходе многоступенчатого комбинированного опроса, проведенного специалистами Института социологии РАН в 1997 г., в 11 социально-профессиональных группах занятого городского населения было выделено 9 факторов, которые, по мнению опрошенных, влияют на социальное расслоение современного российского общества. На первом месте оказались традиционные для стратификационного анализа факторы: власть (91,3% респондентов), доход (91,2%), собственность (64,8%), далее следовали незаконные действия (52,7%), образование (35,6%), талант, способности (34,8%), профессия (30,1%), происхождение (25%), национальность (14,5%) [5, с. 27]. Специфическими факторами расслоения в постсоветской России стали коррупция и криминал, а также национальность и происхождение. Распределение ответов по социально-профессиональным группам выявило любопытный феномен. Так, вместе с представителями группы наемных работников – гуманитариев, медиков, ИТР, финансовых служащих, предприниматели признали важным фактором расслоения собственность, деньги, добавив еще и талант, что полностью соответствует либерально-рыночной социальной структуре и свойственной ей стратификации. Для гуманитариев, финансовых служащих, медиков и юристов, наряду с факторами собственности и денег, значился фактор профессии, а ИТР и высококвалифицированные работники выделили еще и фактор национальности [5]. Таким образом, в постсоветском структурировании и социальном расслоении наблюдается влияние ранее не доминирующих обстоятельств, а именно – собственности, противозаконных действий, национальной принадлежности и креативности («таланта»).

Заметим, что по данным социологических опросов уже в 1994 г. наблюдался рост профессиональных и креативных предпочтений в тех областях, которые отвечают рыночным тенденциям в развитии экономики. Происходило смещение предпочтений от государственных структур к частным и коммерческим организациям, в сферу финансов и бизнеса. Показательно в связи с этим распределение ответов желающих сменить специальность. 19,1% опрошенных хотели бы стать предпринимателями, 15,6% предпочли бы гуманитарные профессии, 13% стали бы бухгалтерами, экономистами, работниками банка, 11,7% хотели бы работать в сфере торговли и материально-технического снабжения. Среди мотивов перемены специальности на первом месте неудовлетворенность низкой зарпла-

той (55,7%), на втором – отсутствие самостоятельности и разнообразия в работе (12,4%), далее идут неблагоприятные условия труда, а также недовольство руководителем или неопределенность профессионального положения [6].

Социологические опросы, проводившиеся в конце 90-х – начале 2000-х гг., выявили уже иную тенденцию. Из 100% опрошенных лишь 11% идентифицировали свое социально-экономическое положение социально-профессиональным статусом, большая часть в качестве критериев самопричисления указывала на доход, модальные показатели или личные связи. 23% респондентов характеризовали себя как «бедных, бесправных, обреченных», 19% – «обыкновенными», «нормальными», «простыми», 18% – нравственными людьми, 10% – «оптимистами» и т.п. [7, с. 15].

Созданная российскими социологами иерархия стратификационных факторов не только подтвердила присущее любому современному обществу социальное неравенство, но и выявила ее специфический социокультурный характер. Реальное бытие предметных форм культуры все более тесно связано не с образованием или профессией, а с властью, доходами и собственностью. Как же предметные формы культуры в такой связке существуют? С какой целью востребуются той или иной социальной группой? Вот вопросы, на которые, мы полагаем, следует отвечать, используя социокультурный подход. В современной России социальное расслоение меняет траекторию и характер в силу структурной перестройки экономики. «Ее сложность, – по словам Л.А. Беляевой, – состоит в том, что она протекает одновременно в двух направлениях: как перестройка форм собственности в виде их плюрализации с разнообразными модификациями и как перестройка отраслевой структуры хозяйства. Эти два фундаментальных экономических процесса оказывают доминирующее воздействие на социальную стратификацию общества, определяя собой глубинные и долговременные социальные сдвиги» [6, с. 80].

Нынешний плюрализм форм собственности обозначили, прежде всего, новые социальные группы. Это не только новая бюрократия, олигархи, предприниматели среднего и малого бизнеса, свободные профессионалы, фермеры, но и группы наемных работников в частном секторе экономики, работники смешанных предприятий и др. К этим группам следует добавить тех людей, которые приобретают доходы или формируют собственность в «теневом» секторе экономики (по последним социологическим данным около 35-40% населения страны) [8]. Иные, чем в советские времена, социальные общности вырабатывают и собственные представления о своих социально-экономических и статусных позициях. Как показывают социологические исследования, принадлежность к той или иной профессиональной группе ныне приобретает ярко выраженное социальное свойство. З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян предлагают определять его как результат агрегирования (объединение, суммирование однородных показателей в целое для получения более общих показателей). Они отмечают, что, наряду с формированием классов бедных, зажиточных, богатых, происходит агрегирование социальных групп по отношению к собственности, обладанию или распоряжению ею [5].

Но мы не считаем, что обладание или распоряжение собственностью каким-либо индивидом сопряжено лишь с формальной процедурой, т.е. с агрегированием. Этот термин ничего нового не вносит в стратификационный анализ, по содержанию он созвучен термину «ранжирование». Объективация ранжирования не в последнюю очередь осуществляется за счет престижа той или иной социально-профессиональной группы. В теоретическом плане понятие престижа разрабатывается в рамках проблемы формирования механизмов социальной идентичности [9]. Престиж характеризует признание обществом достижений и достоинств какой-либо социально-профессиональной группы. Показатель социально-профессиональной престижности – важное эмпирико-описательное средство в выяснении форм и свойств социокультурной трансформации общества.

При сравнении данных социологических опросов советского и постсоветского времен видна кардинальная смена социально-профессиональных предпочтений и достоинств группы. Ученые, врачи, рыбаки, хлеборобы, летчики, моряки, космонавты, писатели, музыканты, преподаватели школ и вузов – представители престижных групп советского времени – ныне претерпели инверсию. Артисты, наряду с журналистами, сохранили престижные позиции, к ним добавились адвокаты, бизнесмены, политики. Зато престижный статус утратили шахтеры, хлеборобы, рабочие, педагоги, врачи, военные. Социальные аутсайдеры советских времен – квазипредприниматели, служители культа, уголовные элементы – сегодня важные деятели социального структурирования.

Так или иначе, все социальные общности расслаиваются относительно доступа к жизненным ресурсам и привилегиям. Этот существенный фактор расслоения проявляется не столько в формализации социального слоя, сколько в том, что, взаимодействуя со своими или с чужими ресурсами и привилегиями, люди вынуждены адаптироваться к наличным условиям жизни и объединяться друг с другом с целью сохранения общности своих интересов (буквально по лат. формуле *communitas et conjuncto humana* «объединение и связь присущего человеку», «общность человеческих интересов»). Так, в российском обществе имущественная поляризация сопровождается поляризацией форм поведения, которые его носителями рассматриваются как «свои» в противоположность «чужим». По наблюдению Н.Ф. Наумовой, оправдание богатства, как и бедности, строится на дискредитации противоположной группы. Либеральная концепция, согласно которой, «богатые люди – залог богатства страны», в нашей стране не подтверждается ни очевидными фактами, ни социологическими выводами [10]. Активизация элементарных социальных связей в обществе – это показатель кризиса институциональных связей и поиска новых жизненных ресурсов.

Именно адаптационно-коммуникативный момент социокультурной трансформации общества попадает в поле зрения российских авторов. Л.А. Беляева пишет: «Переход к обществу, где действуют рыночные механизмы, в российских условиях особенно труден. Сдвиг в общественных отношениях должен произойти гигантский. Бремя прошлого развития, традиционно сложившаяся структура ценностей накладывает свой отпечаток на все процессы, в том числе на преобразование социальной структуры в целом и ее отдельных элементов. Преодоление сословной структуры общества в России сопровождается своеобразными процессами трансформации элитного слоя, формирования классовой стратификации, изменением социального статуса российской интеллигенции и глубокой имущественной дифференциацией населения» [6, с. 117-119]. Такой достаточно распространенный вывод об изменениях социальной структуры подтверждают прикладные исследования многих российских социологов.

Не менее важным фактором социокультурной трансформации в стране является действие глобальной массовой культуры. Не останавливаясь здесь на теории массовой культуры, отметим, что векторы ее развития напрямую связаны с массовой коммуникацией и индустриализацией культурной деятельности, с формированием «экрана знаний», выступающего главным источником средств и способов консолидации и социального взаимодействия. Массовая коммуникация и индустриализация культуры породили две противоречивых и противостоящих друг другу тенденции – интеграцию различных социокультурных пространств и диверсификацию социокультурных общностей. По словам К.Э. Разлогова, в ходе этих процессов «главным исходным моментом стала глобальная массовая культура, объединяющая людей общими мелодиями, текстами, представлениями, общеизвестными произведениями, распространенными по всей территории земного шара культурными стереотипами и даже учреждениями... По отношению к этой потенциально глобальной культуре все остальные культурные общности являются субкультурами с ограниченным кругом приверженцев, со своими ценностями и представлениями, которые

вступают в достаточно сложные и противоречивые взаимодействия с культурой массовой» [11].

Зафиксированный момент в реальном бытии культуры – сегодня центральный угол зрения на общественную жизнь, ее развитие и человеческий потенциал.

Социокультурная трансформация, в отличие от социально-экономической и социально-политической, с которыми она, конечно же, сплетена и взаимообусловлена, содержит противоречия, во-первых, между прежними культурными формами и нарождающимися новыми, во-вторых, между их реальным и аскриптивным существованием. Диалектическая природа социокультурной трансформации проявляется в иной, чем в советские времена, иерархии факторов социального расслоения: в имущественно-властном престиже, востребованности коммуникативных возможностей и в самостоятельном формировании адаптационно-коммуникационных стратегий.

Литература

1. *Лапин Н.И.* Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.
2. *Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
4. *Ядов В.А.* Символические и примордиальные солидарности // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
5. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9.
6. *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
7. *Климова С.Г.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12.
8. *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998; *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000
9. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3; 4. 1996. № 1.
10. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурсы человечества? М., 1999.
11. *Разлогов К.Э.* Глобальная и/или массовая? // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

Ростовский государственный педагогический университет

4 декабря 2007 г.